

УДК 94(430).0.86;94(44).083

ФРАНЦИЯ И ГЕРМАНИЯ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Попов Григорий Германович,

канд. экон. наук, доцент Департамента экономической теории, Финансовый университет, доцент
кафедры экономики, Московский технологический институт,

Москва, Россия

GGPopov2009@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются социально-экономические условия подготовки Германии и Франции к Второй мировой войне. Автор делает попытку ответить, почему Франция столь сильно отстала от Германии в 1930-е гг. в области промышленного производства. Впервые в российской историографии проведен компаративистский анализ развития Франции и Германии накануне и в начале Второй мировой войны. Автор рассматривает Францию и Германию в начале Второй мировой войны в ракурсе противостояния политических систем – демократии и фашизма, делая тем самым вклад в дискуссию о влиянии общественного выбора на способность экономики к мобилизации в условиях крупного вооруженного конфликта. В статье развивается начатая в работах Нуреева Р.М. и Латова Ю.В. дискуссия о роли политических систем в экономическом развитии первой половины XX в.

Ключевые слова: военная экономика; мобилизация экономики; Вторая мировая война; нацистская Германия; Третья республика во Франции.

FRANCE AND GERMANY BEFORE THE OUTBREAK AND DURING THE SECOND WORLD WAR. COMPARATIVE HISTORICAL AND ECONOMIC ANALYSIS

Popov G.G.,

PhD in economics, associate Professor of the Department of economic theory, Financial University, associate
Professor in the Department of Economics of the Moscow technological institute,

Moscow, Russia

GGPopov2009@mail.ru

Abstract. The preparation of France and Germany to a war in Europe and the socio-economic conditions of this process are discussing in the paper. The author undertakes an attempt to answer, why France was going so far behind Germany in the 1930s in the industrial production. A comparative analysis of development of France and Germany on the eve of the outbreak of the Second World War is carried out for the first time in Russian historiography. The author discusses the opposition of France and Germany in the beginning of the Second World War from the angle of confrontation of political systems – democracy and fascism, thereby making a contribution to the debate about the influence of public choice on the economy's ability to mobilize for a large armed conflict. The author develops widely reflected in the findings of R.M. Nureev and Yu.V. Latov a discussion of the role of political systems in economic development the first half of the XX century.

Keywords: war economy; mobilization of the economy; world war II; Nazi Germany; Third Republic France.

ВВЕДЕНИЕ

В недавно вышедшей работе Р. М. Нуреев и Ю. В. Латов [1] поддержали мысль западных историков экономики М. Харрисона и А. Ноува о том, что победа СССР в Великой Отечественной войне стала в основном следствием введения сталинской модели экономики. Отсюда прямо вытекает, что поражение Франции в 1940 г. — есть результат дисфункции западных демократий в деле мобилизации экономики и сил общества на борьбу с нацизмом и фашизмом. В общем, сталинская модель экономики оправдана с точки зрения подготовки СССР к войне с агрессором. Эта модель экономического устройства в то время не имела аналогов или чего-то сильно похожего за пределами Советского Союза, не считая Тувы и Монголии.

Историк экономики Т. Имлэй в одной из своих работ показал, что у Франции и Британии в начале Второй мировой войны было не меньше различий, чем у Германии и Италии, в основном за счет отношений между собой трех основных сил капиталистической экономики: государства, бизнеса и профсоюзов [2]. В этой связи нацистская Германия с ее антипрофсоюзным трудовым кодексом и «Трудовым фронтом» сильно контрастировала с западными демократиями. Однако при внешних общих институциональных чертах отношений труда и капитала близко к Германии в то время стояла Италия под властью Муссолини. Но результаты итальянской и германской мобилизации экономики были слишком разными. Очевидно, на мобилизацию в большей степени влияли другие факторы, нежели отношения труда и капитала и регулирование этих отношений государством. Мы считаем, что таким фактором была конфигурация отношений национальной экономики с внешним миром.

Для Германии торговые отношения с Чехословакией до оккупации последней имели достаточно продуктивный характер. Германско-югославские и германско-шведские экономические отношения, как и германско-французские, были до конца 1939 г. очень важны для вооружения Германии и реализации программы восстановления ее экономики при нацистах [3].

Несмотря на большое значение внешней торговли, германская экономика была устроена так, что она воспринимала импорт как компенсирующий фактор. В начале 1930-х гг. немецкие фермеры были в состоянии заменить импорт,

наращивая выпуск собственного продукта. Германским химикам еще до прихода к власти нацистов была известна технология производства искусственного топлива из угля. Во Франции же, и особенно в Британии, внешняя торговля из-за иной концепции восстановления экономики после Первой мировой войны приобрела ключевое значение для развития общества [4].

В соответствии со сказанным выше, мы можем посмотреть, по каким ключевым параметрам демократическая Франция отставала от нацистской Германии и сопоставить значение внутренних и внешних экономических причин развития Франции и Германии для накопления военного потенциала этими странами, а также выяснить роль внешней торговли для Франции и Германии в 1930-х гг. и масштабы накопления производительного капитала в обеих странах.

Мы выбрали Францию, поскольку это — континентальная держава, которая в межвоенный период не обладала такой мощной колониальной империей, как ее союзница — Англия. Франция, как и Германия, в значительной степени развивалась за счет внутренних горно-рудных комплексов.

Франция в период режима Виши, что удивительно и важно для нашего исследования, сумела мобилизовать значительные ресурсы и произвести для стран «оси» немалый объем продукции фактически в условиях ограниченного доступа к международным рынкам. Вероятнее всего, не будь знаменитой победы вермахта в мае 1940 г., те же самые товары, которые были вывезены Германией, пошли бы для нужд армии, беженцев и союзников Франции, как это было в годы Первой мировой войны.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРЕДВОЕННОЙ ФРАНЦИИ

Несмотря на принятый в период выработки Версальской системы инфляционный курс, Франция восстанавливалась после войны медленнее и болезненнее, нежели Британия. Немцы разрушили промышленность 18 северных департаментов, однако французы вернули достаточно сильные экономически Эльзас и Лотарингию, в которых добывалось более 14 млн т железной руды в год.

Будем отталкиваться от одного показателя для понимания реального экономического потенциала Франции в конце 1930-х — начале 1940-х гг. За весь 1943 г. экономический район

«Северная Франция и Бельгия» (зона немецкой оккупации) дал 2,4 млн т выплавки сырой стали [5, с. 126]. Стало ли это результатом саботажа и бомбардировок и каков был вклад Бельгии? Судя по тому, что в Бельгии в том же году было изготовлено примерно 1,2 млн т металлических полуфабрикатов, около половины сырой стали было выплавлено именно в этой стране. Бомбардировки до осени 1943 г. незначительно беспокоили немецкие власти в северных департаментах.

Судя по оценке ущерба от атаки стратегической авиации западных союзников на завод в Шоке, северные департаменты Франции давали «оси» чуть более 174 тыс. т кокса в год (данные для 1943 г., когда северные департаменты были максимально мобилизованы нацистами). Уничтожение завода в Шоке почти свело на нет производство кокса в Северной Франции, однако только один немецкий завод «Проспер» в Руре произвел в 1942 г. 2 млн т кокса [6], чего вполне могло хватить и для обеспечения металлургии северных департаментов Франции. Этот факт указывает на слабое развитие металлургии Франции до войны.

Кокс и уголь были настоящей проблемой номер один для Франции, которая добывала в конце 1930-х гг. 46,5 млн т угля ежегодно при уровне потребления внутри страны 68 млн т [5, с. 124]. До Первой мировой войны французские металлурги довольствовались в основном своим национальным углем, но после 1918 г. ситуация сильно изменилась, опыт выплавки в годы войны, когда угольные поля северных департаментов были оккупированы Германией, показал, что гораздо выгоднее импортировать уголь из Британии и США. По Версальскому договору, крупным поставщиком угля во Францию стала Веймарская Германия. Помимо этого, договор дал Франции Лотарингию, где в межвоенный период добывалось 90% французской железной руды [7, р. 57]. Французские фирмы, что примечательно, не использовали полностью свою железную руду для нужд внутреннего производства, они ее экспортировали, в том числе в Германию, даже после прихода к власти Гитлера [3].

В 1937 г. Германия довела выплавку алюминия до 127,5 тыс. т, когда во Франции этот показатель составил 34,5 тыс. т, увеличившись не столь значительно, по сравнению с 1929 г., когда было выплавлено 29 тыс. т (в Германии

в том же году выплавка составила 33,3 тыс. т) [2]. К концу 1939 г. Франция смогла довести выплавку алюминия до 55 тыс. т в год, что было на 40% больше, чем у маленькой Швейцарии [5, с. 124].

По производству жидких энергоносителей Франция в 1937 г. отстала даже от Японии, несмотря на доступ к энергоресурсам Африки, Ближнего Востока и значительной части Азии. И хотя колонии поставляли Франции важные стратегические товары и продовольствие, оборот торговли метрополии с колониями не превышал до войны 100 млн долл. США [7, р. 57].

Уже через несколько месяцев после освобождения Франции экономист Дж. Белл поставил вопрос: был ли упадок Франции в 1944–1945 гг. результатом разрушений производственных мощностей во время боевых действий и оккупации или же это — результат недоразвитости национальной экономики предыдущих лет? По оценкам французских промышленников и финансистов, после освобождения 80% мощностей национальной промышленности были в состоянии работать, несмотря на все разрушения и вывоз станков и прочего оборудования в Германию. Для сравнения, 60% итальянских промышленных мощностей было разрушено. Несмотря на это, американская помощь освобожденной Франции только по статье «локомотивы и вагоны» составила 320 млн долл. США в ценах 1946 г. [7, р. 62].

В 1938 г. Франция потенциально могла произвести 800 локомотивов, 2000 пассажирских вагонов и 12–15 000 товарных вагонов [8]. Для сравнения, в 1942 г. Германия выпустила 2637 локомотивов (был достигнут предел возможностей по выпуску этой продукции) [5, с. 125]. В том же 1938 г. Франция выпустила 224 600 грузовиков и автобусов, и заняла 3-е место в мире по производству автомобильной техники [8], отстав от Германии (около 430 000 автомобилей разных типов в год). Однако выпуск автомобилей во Франции достиг высоких показателей в основном за счет роста затрат, создаваемых в значительной степени иностранной рабочей силой и внутренними мигрантами из бедных регионов. То же самое можно сказать обо всей остальной тяжелой промышленности Франции. Например, в 1938 г. маленькая Бельгия оказалась в состоянии освоить выпуск почти 200 000 автомобилей [5, с. 125], произошло это из-за перемещения

части трудоспособного населения страны из легкой промышленности в тяжелую в межвоенный период.

ОТ ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ ДЕМОКРАТИИ К ЭКОНОМИКЕ РЕЖИМА ВИШИ

Тем не менее данные по выпуску военной продукции во Франции осенью 1939 г. показывают, что французская тяжелая промышленность страдала от избытка рабочей силы (хотя это относится, скорее всего, к неквалифицированным кадрам). Согласно докладам военных ведомств авиационная промышленность потеряла из-за мобилизации 30–40% своей рабочей силы, в станкостроении потери составили 40% [2, р. 26].

Тем не менее после шока мобилизации французская авиационная промышленность стала приходить в себя. Если еще в мирном августе 1939 г. Франция выпустила 197 истребителей и 13 бомбардировщиков, то в период «сидячей войны» производство составило в среднем 163 истребителя и 57 бомбардировщиков в месяц [2, р. 29]. Производство бомбардировщика требовало больше трудозатрат (в 3–6 раз больше, чем истребителя), что означает в «истребительном эквиваленте» минимум 334 боевых самолета против 236 машин в условиях мирного времени (правильнее было бы сказать, частичной мобилизации экономики 1938 — первых девяти месяцев 1939 г.).

Однако по другим показателям выпуска военной техники Франция не могла похвастаться так же, как по авиации. Знаменитый танк *Somua* выпускался в количестве 12 шт. в месяц вместо 27 плановых, выпуск артиллерийских снарядов составил 33 000 шт. в месяц, что на 20% ниже плана [2, р. 29]. Причиной отставания в производстве наземных средств вооружения, по сравнению с воздушными, стал, скорее всего, не столько дефицит рабочей силы, сколько нехватка сырья и капитала (авиационная отрасль в этом отношении во всех странах все-таки пользовалась до войны большим приоритетом, чем все остальные).

Если сравнивать Францию с Германией, то по выпуску самолетов последняя отставала от первой. Например, в январе 1940 г. немцам удалось выпустить 45 самолетов [9]. По производству танков и прочих видов вооружений Германия не демонстрировала в период

«сидячей войны» особо большого прогресса. По сути, в ситуации с Францией и Германией в начале Второй мировой войны мы видим не столь сильную линейную связь между количественными характеристиками выпуска военной продукции и уровнем развития экономики, а также численности задействованной в военном производстве рабочей силы. Разница имела место в качестве техники. Немецкие танки все-таки превосходили по ряду показателей французские: более прочная броня; выше качество двигателей; массовая оснащенность радиостанциями; более высокая скорострельность артиллерийских орудий при более качественных прицелах (но касалось это далеко не всех типов).

Причиной отставания Германии по выпуску вооружений в период «сидячей войны» стала не низкая степень мобилизации немецкой экономики, а многочисленное мирное и неработающее население, которое необходимо было обеспечивать энергией и продовольствием на среднем европейском уровне того времени. Рабочая сила в Германии до войны с СССР была в основном местная, что заставляло германских промышленников держать особо высокий уровень оплаты труда. Во Франции в экономике было задействовано много иностранной рабочей силы, что было сильной компенсацией французскому бизнесу в условиях военной мобилизации рабочих на фронт.

Тем не менее макроэкономические и отраслевые факторы негативным образом сказывались на состоянии французской экономики в аспекте мобилизации. Как уже отмечалось, качество производившейся военной продукции во Франции не было высоким. Имело место серьезное отставание от Германии по стрелковому оружию и зенитной артиллерии, сильные провалы были в танковом производстве. Дефицит качества должен был компенсировать радикальный рост количества выпускаемой техники, однако здесь-то и сыграла свою роль макроэкономика.

ВВП Франции в 1939 г. составил 433 млрд франков, что эквивалентно примерно 43,3 млрд рейхсмарок (RM) по фактическому курсу 1939 г. (нацисты установили курс: 1 марка к 20 франкам, что превратило немецкий экспорт в Германию фактически в репарации) [10, р. 11], или приблизительно такому же объему долларов США, так как доллар фактически равнялся по

покупательной способности рейхсмарке в канун Второй мировой войны. ВВП Германии составлял, по нашим оценкам, около 111 млрд RM (наша приблизительная оценка, основанная на том, что национальный доход Германии составил в 1938/1939 финансовом году 88 млрд RM [11]). Для мирных 1930-х гг. стоимость производительного капитала составляла во Франции 59 млрд франков в ценах 1956 г. [10, р. 23], что обеспечивало средний показатель экономического роста в 2%.

О величине стоимости немецкого производительного капитала нам сложно судить, но мы знаем из документов того времени, что общий объем акционерного капитала акционерных обществ в промышленности составил в 1936 г. 8,5 млрд RM [12, р. 25], что эквивалентно приблизительно 85 млрд франков в ценах того времени. Но АО держали в нацистской Германии 75% от капитала всех обществ, задействованных в промышленности, что составляет 11,33 млрд RM промышленного капитала всех обществ [13, р. 25], правда, сюда не относится стоимость капитала индивидуальных кустарных производств, но этим можно пренебречь, так как его стоимость была незначительной. Мы можем смело приравнять 11,33 млрд RM капитала немецких обществ в промышленности к производительному капиталу, принимая во внимание некоторые возможные незначительные отклонения в сторону уменьшения. В таком случае только по обществам разного типа в промышленности Германия имела в 1936 г. 113,33 млрд франков производительного капитала против 59 млрд франков у французов. Германский экономический рост составлял при нацистской диктатуре 7–8,5% в год [12] (если судить по приросту ВВП на душу населения).

Восстановительный экономический рост начался в Германии в последнем квартале 1932 г. [12], что является во многом заслугой больших накоплений капитала, сделанных в период Веймара и ранее. Французская экономика с ее почти вдвое меньшим производительным капиталом восстанавливалась медленнее после Великой депрессии, достигнув только 2% роста. Причиной такого положения французской экономики могли стать крупные военные долги времен Первой мировой войны, но также и стремление французских фирм использовать импортные уголь и сталь, что уменьшало капиталовложения в металлургию и горную

промышленность. Но особо надо отметить, что немецкий производительный капитал, будучи по своему объему в два раза больше, чем французский, был эффективнее французского приблизительно в два раза.

Германия и Франция до войны старались не повышать налоги, финансируя рост расходов преимущественно за счет государственного долга. Однако в 1939 г. 42,2% государственных расходов Франции финансировалось за счет налоговых поступлений [10, р. 13], что составляло 63,3 млрд франков, или почти 17% от ВВП (т.е. все государственные расходы составляли порядка 37% ВВП). Когда в Германии этот показатель составлял более 20% в 1938 г., во Франции было собрано налогов на сумму 55 млрд франков, или 5,5 млрд RM, что почти в 3,5 раза меньше, чем в Германии.

Расхождение по собираемости налогов для Франции и Германии нельзя назвать столь решающим в их противоборстве, так как Франция имела доступ к сравнительно дешевым сырьевым и трудовым ресурсам своих колоний. Тем не менее нельзя сбрасывать со счетов низкую, по сравнению с Германией, собираемость налогов во Франции. Хотя такое преимущество немецкой стороны нельзя назвать заслугой нацистского режима, — высокий процент налоговых поступлений в пропорции к национальному доходу был заложен уже в Веймарской Германии, что объяснялось необходимостью выплаты репарационных долгов и повышением социальных расходов.

На экспортно-импортные операции в 1938 г. во Франции приходилось 11% от ВВП, но этот показатель составлял 10,8% от ВВП, когда сам ВВП достиг в том же году 446 млрд франков [10, р. 20]. Это указывает на то, что немалая доля производства осуществлялась французскими фирмами за рубежом, но нельзя сказать, что эта доля была крупной. В Германии в 1938 г. на импорт приходилось около 6 млрд марок, а экспорт составил чуть меньше, из чего можно сделать вывод, что экспортно-импортные операции составили в Германии около 8% от ВВП. В 1940 г. объемы немецкого импорта упали до 7% от ВВП Германии, подскочив в 1943 г. до 16% [10, р. 5].

У французов, как и у других европейцев, к 1919 г. были крупные долги, в основном военный долг перед США. Надежды на германские репарации не оправдались, и к 1923 г. нацио-

нальный долг Франции достиг 100 млрд золотых франков при стоимости всех активов не более 250 млрд золотых франков [7, р. 59]. Были взяты в долг у США и Британии 5,29 млрд долл. США уже после окончания войны, в октябре 1919 г. [15, р. 60]. Немецкие репарации в 1920-е гг. не оправдали полностью надежд французского правительства — в 1922 г. долг Франции перед США составлял 3,5 млрд долл. США [14, с. 146]. К 1931 г. сумма общих военных долгов, выплаченных в пользу США, составила 2 млрд долл. США [14, с. 160], из которых большая часть пришлось на Францию, тем не менее военные и послевоенные внешние долги французское правительство к началу 1930-х гг. полностью еще не выплатило. Германия смогла выплачивать репарации преимущественно за счет предоставленных ей в 1920-е гг. американских кредитов, составивших тоже 2 млрд долл. США [14, с. 160]. Данный факт отчасти и объясняет рост накопления производительного капитала в Веймарской республике, и этим в 1930-е гг. воспользовались нацисты для развертывания программ вооружения.

Во Франции также был разрешен свободный вывоз капитала, что отразилось негативным образом в 1930-е гг. на ее экономике. Тем не менее мы думаем, что вывоз капитала не столь болезненно влиял на французскую экономику, так как немалый объем производства осуществлялся французскими резидентами за пределами национальных границ. Таким образом, вывоз капитала из Франции имел также и производственное значение.

Режим Виши был отрезан от 8% потреблявшейся до поражения 1940 г. импортной нефти и 40% угля, поставлявшегося до войны из Германии (очевидно, в период «сидячей войны» немецкий угольный импорт было нечем полностью восполнить). Несмотря на эти внешнеэкономические потери, ВВП Франции достиг 392 млрд франков в 1941 г. [10, р. 7]. Эффект инфляции в том году не был столь ощутим, так как Банк Франции еще был в состоянии ее сдерживать. С поправкой на инфляцию, ВВП Франции составил в 1941 г. приблизительно 340 млрд франков. Однако теневой сектор экономики страны составлял примерно 20% ВВП [10, р. 28], что в итоге дает нам возможность предположить, что фактический ВВП все-таки составлял около 400 млрд франков. Оккупационные издержки составили в 1941 г. 144,3 млрд

франков [10, р. 7]. То есть 36% ВВП Франции пошли на нужды нацистской Германии. Нетрудно заметить, что почти такая же доля ВВП шла на государственные расходы перед Второй мировой войной. Столь высокий показатель ВВП Франции в 1941 г. для страны, потерпевшей поражение и несшей не имевшие ранее в своей истории аналогов издержки оккупации и репараций, говорит в пользу того, что эффект от саботажа на предприятиях не был еще столь высоким, как и не было серьезной дезорганизации хозяйственной жизни страны. Очевидно, инфляция подстегивала производства, работавшие на «черный рынок», как и предприятия, оказавшиеся в условиях оккупации в более выгодном положении (особенно это касается легкой промышленности южных департаментов).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Демократия не стала причиной кризиса во Франции в 1940 г., причины этого кризиса лежат за пределами проблемы политического устройства. То же самое можно сказать и о военных успехах нацистской Германии в начале Второй мировой войны. Центральную роль сыграло такое обстоятельство, как накопление капитала. В Германии, отчасти благодаря американским кредитам (заслуга плана Дауэса), произошло значительное накопление производительного капитала, а во Франции этот процесс в 1920-е гг. был «приторможен» из-за военных долгов и разрушительных последствий Первой мировой войны, включая оккупацию в 1914–1918 гг. северных департаментов (правда, это не снимает вопрос о причинах более высокой производительности немецкого капитала).

Увлечение французов импортом также не способствовало росту накопления капитала в их стране. Опыт экономики режима Виши показывает, что народное хозяйство Франции обладало достаточно большой устойчивостью, и при альтернативном ходе войны (провал немецкого наступления в мае 1940 г.) Франция могла держаться, ведя затяжную войну, так как даже в условиях оккупации и высоких оккупационных издержек ВВП Франции не столь радикально сократился к 1942 г. Однако французская экономика оказалась в 1930-е гг. не подготовленной к той степени мобилизации, которая позволила бы отразить блицкриг.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 2009.
Nureev R. M., latov Yu. V. Russia and Europe: the effect of a gauge (experience of the institutional analysis of the history of economic development) [Rossija i Evropa: jeffekt kolei (opyt institucional'nogo analiza istorii jekonomicheskogo razvitija)]. Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University. Immanuel Kant, 2009 (in Russian).
2. Imlay T. Democracy and War: Political Regime, Industrial Relations, and Economic Preparations for War in France and Britain up to 1940 // *The Journal of Modern History*, 2007, vol. 79, no. 1, pp. 1–47.
3. Popov G. Trade with the Aggressor and the Pact Ribbentrop-Molotov. Observations inspired by Unknown Documents. *Studia Prawno Economiczne*, 2016, vol. XCVIII, pp. 89–105.
4. Bordo M. D. and Hautcoeur P.-C. Why didn't France follow the British stabilization after World War I? *European Review of Economic History*, APRIL 2007, vol. 11, no. 1, pp. 3–37.
5. Попов Г. Г. Экономическое значение оккупированных территорий и союзников для нацистской Германии в период Второй мировой войны // *Германия и Россия: События, образы, люди: сборник российско-германских исследований*. Вып. 10 / под. ред. С. В. Кретицина. Воронеж: Из-во Истоки, 2014.
Popov G. G. Economic importance of the occupied territories and the allies of the Nazi Germany during the Second World War // *Germany and Russia: the Events, images and people: a collection of Russian-German research*. [Jekonomicheskoe znachenie okkupirovannyh territorij i sojuznikov dlja nacistskoj Germanii v period Vtoroj mirovoj vojny // Germanija i Rossija: Sobytija, obrazy, ljudi: sbornik rossijsko-germanskih issledovanij], vol. 10 / ed. S. V. Kretinin. Voronezh, publishing house Origins, 2014, pp. 107–132 (in Russian).
6. Попов Г. Г. Поражения, которых могло не быть. М.: Алгоритм, 2016.
Popov G. G. Defeats, which could not be [Porazhenija, kotoryh moglo ne byt']. Moscow, Algorithm, 2016 (in Russian).
7. Bell J. F. Problems of Economic Reconstruction in France. *Economic Geography*, Jan., 1946, vol. 22, no. 1, pp. 54–66.
8. Российский государственный военный архив (РГВА).
Russian state military archive [Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv] ("RGVA").
9. Budrass L., Scherner J., Streb J. Fixed-price contracts, learning, and outsourcing: explaining the continuous growth of output and labour productivity in the German aircraft industry during the Second World War. *The Economic History Review*, February 2010, New Series, vol. 63, no. 1, pp. 107–136.
10. Occhino F., Oosterlinck K., White E. N. How Much Can a Victor Force the Vanquished to Pay? France under the Nazi Boot // *The Journal of Economic History*, 2008, vol. 68, no. 1, pp. 1–45.
11. Попов Г. Г. Хозяйственный порядок при нацистском режиме в Германии // *Историко-экономические исследования*. 2014. Т. 15. № 2. С. 351–368.
Popov G. G. Economic order under the Nazi regime in Germany [Hozjajstvennyj porjadok pri nacistskom rezhime v Germanii]. *Istoriko-jekonomicheskie issledovanija — History and economic studies*, 2014, vol. 15, no. 2, pp. 351–368 (in Russian).
12. Spoerer M. Demontage eines Mythos? Zu der Kontroverse über das nationalsozialistische "Wirtschaftswunder". *Geschichte und Gesellschaft*, Jul. — Sep., 2005, vol. 31 (4), pp. 415–438.
13. Deutsche wirtschaftliche Lage an der Jahreswende 1938/1939. Ueberreicht von der Reichs-Kredit-Gesellschaft Aktiengesellschaft. Berlin, 1939.
14. Туз А. Европа на грани // *Экономическая политика*. 2016. Т. 11. № 13. С. 138–175.
Tuz A. Europe on the eve [Evropa na grani]. *Jekonomicheskaja politika — Economic policy*, 2016, vol. 11, no. 13, pp. 138–175 (in Russian).